

ВОСПОМИНАНИЯ

На волоколамском направлении

Маршал Советского Союза К. РОКОССОВСКИЙ

БОИ в районе Волоколамска и непосредственно за город в период обороны Москвы описаны во многих исследованиях, книгах и статьях. Естественно, при таком обилии литературы трудно не повторяться. Я постараюсь остановить внимание читателей на тех лишь моментах, которые особенно памяты мне как бывшему командующему 16-й армией, сражавшейся на волоколамском направлении.

Собственно, к середине октября 1941 года в районе Волоколамска оказался лишь штаб 16-й армии без войск. Дело в том, что 5 октября я получил от командования Западного фронта приказ, который предписывал мне немедленно передать занимаемый 16-й армией участок на Ярцевском рубеже вместе с войсками командарму-20 генерал-лейтенанту Ф. А. Ершакову. Мне же с управлением армии и необходимыми средствами связи надлежало не позднее утра 6 октября прибыть в Вязьму, чтобы принять там другие соединения и части и с ними задержать наступление противника. Об этом уже писал Маршал Советского Союза И. С. Конев, командовавший в то время Западным фронтом¹. Должен сказать, что в очень горячей и напряженной обстановке тех дней мне действительно поставили было в вину, что я со штабом армии оказался не со своими войсками. Однако имевшийся при мне по совету начальника штаба армии генерала М. С. Малинина подлинник приказа командования Западного фронта от 5 октября показал всю необоснованность подобных обвинений². Выполняя этот приказ, мы и прибыли в Вязьму. Но войск, которые нам нужно было принять, там не оказалось.

Общая обстановка в результате окружения под Вязьмой значительной части сил Западного и Резервного фронтов сложилась для нас очень тяжелая. Оказавшихся вне окружения войск этих фронтов было недостаточно даже для того, чтобы задержать наступление противника на Москву. Ставке Верховного Главнокомандования пришлось срочно направлять на Можайскую линию обороны отдельные части из района Москвы и дивизии, спешно перебрасываемые с других фронтов, из Средней Азии и Дальнего Востока³. Потребовались титанические усилия партии, правительства, ВГК и всей страны для ликвидации угрозы, нависшей над столицей нашей Родины. Руководимый партией советский народ снова показал, на что он способен в минуты опасности. Все было сделано для того, чтобы преградить дорогу, задержать дальнейшее продвижение врага, не допустить его к Москве.

10 октября 1941 года Ставка назначила командующим Западным фронтом гене-

¹ См. «Военно-исторический журнал», 1966, № 10.

² Вот текст этого приказа:

«Командарму 16 и 20.

Рокоссовскому и Ершакову.

Командарму-16 Рокоссовскому немедленно приказываю участок 16 армии с войсками передать командарму-20 Ершакову. Самому с управлением армии и необходимыми средствами связи прибыть форсированным маршем не позднее утра 6.10 в Вязьму. В состав 16 армии будут включены в районе Вязьмы 50, 73, 112, 38, 229 сд, 147 тбр, дивизион РС, полк ПТО и полк аргк. Задача армии — задержать наступление противника на Вязьму, наступающего с юга из района Спас-Деменск и не пропустить его севернее рубежа Путьково, Крутые, Дрожжино, имея в виду создание группировки и дальнейший переход в наступление в направлении Юхнов. Получение донести.

Конев—Булганин—Соколовский, 5.10.41».

(Архив МО, ф. 208, оп. 2511, д. 1029, л. 2).

³ В течение октября в состав Западного фронта Ставка ВГК направила следующие соединения: 1-ю гвардейскую мотострелковую дивизию — с Юго-Западного фронта, 7-ю гвардейскую стрелковую дивизию — с Брянского фронта, 32, 78, 82 и 93-ю стрелковые дивизии — с Дальнего Востока, 238-ю и 316-ю стрелковые дивизии из Средней Азии и 5-й воздушно-десантный корпус резерва Ставки ВГК; в состав вновь образованного Калининского фронта были также переброшены две стрелковые дивизии — 183-я и 185-я — с Северо-Западного фронта. — *Ред.*

рала армии Г. К. Жукова. В тот же день я присутствовал на КГ Западного фронта, где К. Е. Ворошилов представил нам нового командующего.

Георгий Константиновича я знал многие годы до этого. Военная судьба не раз до тех пор сводила нас и снова надолго разлучала, менялось наше служебное положение в отношении друг друга... В середине 20-х годов вместе с другими кавалерийскими командирами мы в Ленинграде совершенствовали свою подготовку в Высшей кавалерийской школе; в начале 30-х годов я командовал кавалерийской дивизией, Г. К. Жуков был командиром одного из ее полков, а затем кавбригады; а в 1940 году, когда я командовал 5-м кавкорпусом, уже генерал армии Жуков был моим старшим начальником в качестве командующего войсками Киевского Особого военного округа.

В моем представлении Г. К. Жуков всегда остается человеком сильной воли и решительности, ярким и одаренным, требовательным, настойчивым и целеустремленным. Все эти качества, безусловно, необходимы крупному военачальнику, и они присущи Г. К. Жукову. Правда, иногда его жесткость переходила допустимые границы. Забегая несколько вперед, замечу, что в разгар боевых действий под Москвой наш комфронт допускал иногда неоправданную, на мой взгляд, резкость.

Новый командующий Западным фронтом 11 октября 1941 года поставил управлению 16-й армии задачу—принять Можайский боевой участок⁴. Но не успели мы этого сделать, как последовало новое распоряжение — выйти со штабом 16-й армии и 18-й ополченческой стрелковой дивизией⁵ в район Волоколамска, подчинить себе все части, там находящиеся, подходящие туда или выходящие из окружения, и организовать оборону в полосе от Московского моря (Волжское водохранилище) на севере до Рузы на юге, не допуская прорыва ее противником.

К исходу 14 октября мы прибыли в Волоколамск и приступили к организации обороны. Обстановка, сложившаяся здесь к этому времени, напоминала мне обстановку, которая была в июле 1941 года на Ярцевском рубеже. Но в Ярцево я прибыл только с небольшой группой офицеров, вначале даже незнакомых, и без средств связи, а сейчас, в октябре, у нас имелся хорошо сколоченный штаб, оснащенный всеми необходимыми средствами, способный быстро установить связь с войсками и организовать управление. Личный состав штаба прошел уже суровую школу войны в весьма сложных условиях и приобрел хороший опыт. Люди сработались, знали и понимали друг друга, как говорится, с полуслова. Коллектив политического отдела, возглавляемый Д. Ф. Романовым, не уступал штабному. Он состоял из крепких и закаленных большевиков, способных правильно нацеливать партийные и комсомольские организации на выполнение любой задачи и умел воодушевить воинов на подвиг. Все это сыграло огромную роль в решении той сложной и ответственной задачи, которая была поставлена перед нами.

Развернув свой командный пункт в Волоколамске, мы немедленно разослали группы офицеров штаба и политотдела по всем направлениям для розыска и установления связи с войсками, имевшимися уже в этом районе, прибывающими из тыла и для перехвата выходящих из окружения частей, групп и одиночек.

Первым в район севернее Волоколамска вышел 3-й кавалерийский корпус в составе двух дивизий под командованием Л. М. Доватора. Он вошел в оперативное подчинение 16-й армии. До прибытия к нам корпус участвовал в боях на реке Межа и, получив приказ о выходе во фронтовой резерв для пополнения, двинулся на станцию

⁴ Привожу полностью это первое, полученное мною от нового командующего войсками Западного фронта приказание:

«Генералу Рокоссовскому. 11.10.41 г.

Противник, сосредоточив значительные подвижные силы в районе Сычевка, стремится развивать свои действия на Ржев и Клин.

Разведчасти противника вышли 11.10 в район Треселы.

П р и к а з ы в а ю:

1. Наступление на Гжатск приостановить и перейти к обороне на занимаемом войсками исходном рубеже, имея 18 тбр во втором эшелоне в районе ст. Батюшково.

Задача обороняющихся частей не допустить прорыва противника в Можайском направлении.

2. Вести усиленную разведку противника в юго-зап. направлении до рокады Юхнов, Гжатск.

3. КП 16 армии иметь — Уварово.

4. План обороны довести 12.10.

Получение подтвердить.

Жуков—Булганин—Соколовский».

(См. архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, дело 1029).

⁵ Здесь и далее автор имеет в виду 18-ю Московскую стрелковую дивизию народного ополчения, которая приказом от 29 сентября 1941 года была переименована в 18-ю стрелковую дивизию. — *Ред.*

Осуга, что 30 км южнее Ржева. Но затем выяснилось, что пути дальнейшего движения отрезаны прорвавшимися моторизованными и танковыми частями противника. Оказавшись во вражеском тылу, дивизиям корпуса пришлось пробиваться из окружения на восток. К 13 октября им удалось пробиться и выйти в район Волоколамска.

3-й кавкорпус генерала Л. М. Доватора, хотя и сильно потрепанный, был в то время внушительной силой. Его личный состав неоднократно участвовал в боях, как говорится, нюхал порох. Командный и политический состав частей корпуса приобрел уже боевой опыт и знал, на что способны воины-кавалеристы, изучил сильные и слабые стороны врага. Особенно ценной в тех условиях была высокая подвижность корпуса, позволявшая использовать его для маневра на угрожаемые направления, конечно, с соответствующими средствами усиления, ибо сама по себе кавалерия, хотя она и подвижный род войск, против танковых группировок малоэффективна. Это надо было учитывать, так как мы имели против себя противника, обладавшего высокой подвижностью за счет танковых и моторизованных войск, что было одним из главных его преимуществ. Наши войска уступали ему в этом.

Хорошее впечатление произвел на меня командир корпуса Лев Михайлович Доватор. Он был молод, жизнерадостен, но вдумчив и хорошо знал свое дело. Уже одно то, что ему удалось вывести корпус из окружения боеспособным, говорило о талантливости и мужественной решительности генерала. Можно было не сомневаться в том, что задача, возлагаемая на корпус, будет выполнена. А она была очень сложной. Это видно из нашего приказа, отданного войскам 16-й армии 14 октября 1941 года и гласившего: всеми силами и средствами оборонять рубеж (иск.) Московское море, Спасс-Помазкино, Игнатково, Болычево. Разбить противника перед передним краем, не допустить проникновения к востоку. Таким образом, корпусу поручено было организовать оборону на широком фронте севернее Волоколамска, вплоть до Московского моря.

Северо-западнее Волоколамска и левее 3-го кавкорпуса занял оборону сводный курсантский полк, созданный на базе военного училища имени Верховного Совета РСФСР, под командованием Героя Советского Союза полковника С. И. Младенцева и комиссара А. Е. Славкина. Этот полк из Солнечногорска был переброшен по тревоге под Волоколамск, где и приступил к организации обороны по восточному берегу реки Лама. Несмотря на напряженную обстановку, настроение в полку у курсантов было бодрое и воинственное. Эта часть с первого же взгляда производила впечатление крепкой и надежной.

На левом фланге приступила к организации и подготовке обороны, прикрывая Волоколамск с запада и юго-запада до реки Руза, 316-я стрелковая дивизия, прибывшая из фронтового резерва. Командовал ею генерал И. В. Панфилов, а комиссаром был С. А. Егоров. Такую стрелковую дивизию по своей численности и обеспечению после начала войны мы увидели впервые. Командиры в ней подобрались крепкие, а политический состав был выдвинут из партийного и советского актива Казахстана. При формировании дивизии большая помощь была оказана ей со стороны Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана. В день нашего прибытия, т. е. 14 октября, я встретился с генералом И. В. Панфиловым, и мы обсудили основные вопросы, касающиеся действий его соединения в предстоявшем сражении. В том, что этот момент приближается, сомнений не было.

Наша беседа с Иваном Васильевичем дала мне основание убедиться, что я имею дело с командиром разумным, обладающим глубокими знаниями военного дела и богатым практическим командным опытом. Его предложения были хорошо обоснованными. Простое, открытое лицо, некоторая даже застенчивость. Вместе с тем чувствовалась в нем кипучая энергия и способность проявить железную волю и настойчивость в нужные моменты. О своих подчиненных он отзывался уважительно. Видно было, что он очень хорошо знает каждого из них. Все вместе взятое произвело на меня очень выгодное впечатление, и я не ошибся. Понравилось мне и остроумие генерала. Оценивая участок обороны от Болычево к реке Руза, которую занял один из его полков, он сказал: «Да, здесь мы сели на колышки». И это буквально характеризовало степень подготовленности так называемой укрепленной полосы: вместо

укреплений там оказались только колышки, их обозначающие. Так же было и на других участках. Поэтому принимались все меры к тому, чтобы до начала вражеского наступления подготовить хотя бы укрепления полевого типа.

Исходя из оценки местности, мы считали, что главный удар противника наиболее вероятен на направлении, выводящем на левый фланг 316-й стрелковой дивизии. Для укрепления этого участка обороны нами и командованием дивизии делалось все возможное в тех условиях. Имея уже опыт, приобретенный в предыдущих боях, командиры штаба и служб, политработники передавали его войскам, помогали словом и делом. Все силы были направлены на то, чтобы в короткий срок создать полевые оборонительные рубежи. Особое внимание мы уделяли глубокой противотанковой обороне.

Нами достаточно уже была изучена тактика противника, который использовал в каждом бою главным образом свое подавляющее преимущество в танках. Для противодействия им было намечено бросить всю имевшуюся у нас в армии артиллерию. Мы рассматривали ее как основное средство борьбы с танками. Но и артиллерии у нас явно не хватало. Поэтому заранее предусматривался широкий маневр артиллерией как траекториями, так и колесами. Мы заранее спланировали ее переброску на угрожаемые участки, определили и изучили маршруты движения.

К каждой артиллерийской батарее и отдельному орудью, придаваемым пехоте или спешенной кавалерии для борьбы с танками, обязательно назначались соответствующие подразделения пехоты (кавалерии) для прикрытия от вражеских автоматчиков. Причем подчинялись эти подразделения командиру батареи или орудия, которые они прикрывали. Такое мероприятие, введенное у нас в 16-й армии, вытекало из опыта боев и себя оправдало.

Помимо того, были созданы подвижные (на машинах или повозках) отряды саперов с минами и подрывными зарядами. В их задачу входило минирование наиболее танкоопасных направлений, а в процессе боя — преграждение пути танкам в глубину нашей обороны. Для усиления обороны на стыках и в промежутках между полками были отрыты и заминированы противотанковые рвы. В частности, 1075-й полк 316-й дивизии свой левый фланг прикрывал четырехкилометровым противотанковым рвом, заминировав его четырьмя тысячами мин.

Оборонительные работы усиленным темпом продолжались во всей полосе обороны 16-й армии, от Московского моря до Рузы (иск.) протяжением почти сто километров.

Не могу не отметить ту большую роль, которую сыграли в организации противотанковой обороны начальник артиллерии генерал В. И. Казаков и его сотрудники-артиллеристы. Они буквально дневали и ночевали в войсках, помогая командирам дивизий и артиллерийским начальникам организовать использование артиллерии всех видов, вплоть до зенитной и «катюш», для борьбы с танками, откуда бы те ни появились. Да и все другие работники штаба, политотдела, начальники родов войск и служб и мы с членом Военного совета А. А. Лобачевым в это короткое время перед ожидаемым сражением чаще всего находились в войсках.

Наряду с усовершенствованием обороны проводилась большая работа по укреплению политико-морального состояния бойцов. Она направлялась на то, чтобы весь личный состав армии проникся решимостью упорно оборонять занимаемый рубеж, не допуская мысли об отходе. И надо сказать, сделано в этом смысле было немало.

Сознание того, что на нас возложена задача защищать подступы к Москве, удесятерило наши силы. Воины клялись сделать все для того, чтобы разбить врага. Сведения, поступавшие от жителей, бежавших с занятой гитлеровцами территории, рассказывавших об издевательствах и зверствах, чинимых вражескими захватчиками над советскими гражданами и над попадавшими в плен военными служащими, вызывали у воинов ненависть к врагу и еще больше укрепляли их решимость стоять насмерть.

Большую помощь в укреплении обороны 16-й армии оказала Московская партийная организация. Благодаря ее организаторской работе москвичи в октябре сформировали десятки истребительных рот и батальонов, которые прибывали в армию, усиливая ее ряды, поредевшие в непрерывных напряженных боях. Помню как сейчас, мне позвонил по «ВЧ» из Москвы начальник милиции города тов. Романченко и спросил: «Не

пригодится ли нам отряд милиции для действий на фронте?» Я с радостью согласился с его предложением. Вскоре в Волоколамск прибыл сформированный и прекрасно экипированный, внушительный отряд, состоявший из добровольцев — работников московской милиции. Этот отряд мы использовали для действий в тылу врага, он на протяжении длительного времени оказывал нам неоценимую услугу, выполняя сложные операции по нашим заданиям.

Трудно перечислить разностороннюю моральную поддержку армии, оказываемую москвичами. В наши соединения и части приезжали многочисленные группы артистов, стремившихся обязательно выступить на передовой, как в то время называли позиции. Побывали и многие писатели и фронтовые корреспонденты, в частности, у нас находился всеми нами уважаемый В. П. Ставский, приезжали П. И. Трояновский, Е. З. Воробьев, Е. Г. Кригер. Встречали мы у себя и Емельяна Ярославского с группой агитаторов — товарищей из ЦК. Посещали наши части и соединения делегации от заводов и фабрик Москвы, а также от колхозов Подмосковья. Огромная забота о воинах, проявляемая москвичами, поднимала их боевой дух, вызывала патриотическое настроение и воодушевляла весь личный состав на подвиг и самопожертвование.

За положением дел в 16-й армии пристально следил Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин. Нужно ли говорить, что его личное внимание означало очень многое для тех, кому оно уделялось.

Помню, однажды ночью — это было, кажется, уже в период жарких боев на истринском участке — я только вернулся с позиции. Мне сообщили, что командующего 16-й армией к телефону вызывает Верховный Главнокомандующий.

Признаюсь, подходя к аппарату, я в душе представлял себе, как сейчас на меня обрушатся громы. Дело в том, что гитлеровцы в течение дня потеснили части армии, хотя и незначительно, но все же потеснили... Во всяком случае, я приготовился к самому худшему. Однако я ошибся: никакого разноса не последовало. Наоборот, взяв трубку и доложив о себе, в ответ я услышал спокойный, ровный голос Верховного Главнокомандующего. Он спросил об обстановке в полосе армии в данный момент. Докладывая о ней, я сразу же пытался рассказать о намеченных мерах противодействия противнику. Но он остановил меня и сказал, что о моих мероприятиях говорить не надо. Тем самым подчеркивалось доверие к командарму. В конце разговора Верховный спросил, тяжело ли нам, и, получив утвердительный ответ, сказал, что он это понимает и просит еще продержаться некоторое время, а помощь окажет.

К утру следующего дня, как было обещано, в армию прибыли полк гвардейских минометов, два противотанковых артполка, четыреста человек с противотанковыми ружьями и три батальона танков. Кроме того, Москва прислала более двух тысяч своих сынов на пополнение.

Нашим соседом справа была 30-я армия генерала В. А. Хоменко. Войска ее под давлением противника отходили севернее Московского моря. К началу боев связь с ней не была установлена; слева, юго-восточнее Болычево, нашим соседом была 5-я армия, которой командовал вначале генерал Д. Д. Лелюшенко, а затем генерал Л. А. Говоров. С этой армией связь поддерживалась регулярно.

Малочисленность имевшихся у нас сил обусловила выделение всех соединений в первый эшелон. Каждое из них занимало оборону на широком фронте. К началу сражения, то есть к 16 октября, как я уже говорил, в армию вошли: 3-й кавкорпус Л. М. Доватора в составе 50-й кавдивизии, которой командовал боевой генерал И. А. Плиев, и 53-й кавдивизии комбрига К. С. Мельника; сводный курсантский полк под командованием полковника С. И. Младенцева и 316-я стрелковая дивизия генерал-майора И. В. Панфилова. Кроме того, мы имели стрелковый полк 126-й стрелковой дивизии, организованно вышедший из окружения и выведенный в резерв для развертывания в дивизию. На его укомплектование направлялись все выходившие из окружения группы и одиночки. И еще была выведена в резерв для пополнения 18-я стрелковая ополченческая дивизия, которой командовал полковник П. К. Живалев. Кроме своей артиллерии, имевшейся в частях и соединениях, 16-я армия получила на усиление два истребительно-противотанковых полка, два пушечно-артиллерийских полка, два дивизиона московского артучилища, два полка и три дивизиона «катюш». По тому времени артиллерии у

нас было много, но если учесть большую ширину фронта обороны, то окажется, что это не так. Ее явно не хватало.

Уже с утра 16 октября противник своими подвижными танковыми и моторизованными соединениями нанес удар на левом фланге 16-й армии, как раз там, где мы и предполагали. Только на одном этом участке он сосредоточил четыре дивизии — две пехотные и две танковые. В них насчитывалось свыше двухсот танков. Главный удар пришелся по 316-й стрелковой дивизии. Ее передний край обороны проходил в 12—15 километрах от Волоколамского шоссе.

С этого момента завязались тяжелые оборонительные бои. Гитлеровцы вводили в бой сильные танковые группы по 30—50 танков, сопровождаемые густыми цепями пехоты и поддерживаемые артиллерийским огнем и ударами авиации. Встретив хорошо организованное сопротивление наших войск, фашисты отходили, но вскоре вновь начинали атаки. Большие потери вынуждали их вводить в бой все новые и новые силы. Тяжелое сражение разгорелось на всем фронте обороны армии. 17 октября противник атаковал соединения корпуса Доватора, находившиеся севернее Волоколамска. В этот же день разгорелся жестокий бой в районе Болычево, на стыке с 5-й армией. На полк 316-й дивизии были брошены до 100 танков. Врагу удалось овладеть двумя населенными пунктами, несколько потеснив оборонявшихся на этом участке. Пытаясь развить успех в глубину, немцы еще больше усилили натиск, но были встречены перебросенной к угрожаемому месту с других участков артиллерией и, понеся большие потери в танках, отброшены назад. Не имели они успеха и на участке, занимаемом спешенной конницей. Здесь все атаки также удалось отбить.

18 октября на участке 316-й стрелковой дивизии противник, стремясь во что бы то ни стало добиться успеха, ввел в бой до 150 танков и полк моторизованной пехоты в направлении Игнатково, Жилино, Осташево. Навстречу этой массе танков была выдвинута противотанковая артиллерия, пушечные батареи и «катюши». Но вот еще около сотни вражеских танков появились в районе Жилино, на южном берегу Рузы. Для противодействия этой группировке пришлось использовать ближайшие, а затем и все армейские артиллерийские резервы. Быстрый и своевременный маневр артиллерией спас положение. В результате двухдневного боя (18 и 19 октября) гитлеровцы незначительно потеснили части 316-й дивизии, но, понеся большие потери в танках и живой силе, вынуждены были прекратить атаки.

Наши потери в этих боях также были велики. Воины-артиллеристы, пехотинцы, саперы и связисты проявляли массовый героизм, отражая натиск врага. Не единичны были случаи, когда артиллеристы продолжали вести огонь из подбитых и поврежденных орудий. Пехота сражалась с танками гранатами и бутылками с горючей смесью. Ее подразделения, прикрывавшие артиллеристов, гибли вместе с расчетами орудий, но не покидали их. Связисты под сильнейшим огнем наводили связь и чинили порывы линий. Противник вынужден был все время менять тактику применения своих танков на поле боя. Некоторое время они действовали мелкими группами вне дорог. Однако маневр нашей артиллерии был предусмотрен и для отражения такого приема.

Бои не прекращались ни на минуту, атаки следовали за атаками. Проявляя активность на всем фронте, противник основное внимание и усилия продолжал сосредоточивать непосредственно на Волоколамском оборонительном участке, вводя здесь в бой все новые части. Обладая большим превосходством в силах, гитлеровцы постепенно, километр за километром, теснили наши войска. Мощным танковым кулаком они стремились пробиться к Волоколамскому шоссе. С воздуха их атаки все время поддерживала авиация, чего у нас не было.

К 25 октября противник овладел Болычево, Осташево, форсировал реку Рузу, а в этот день, бросив в бой до 125 танков, захватил станцию Волоколамск. В десятидневных боях, с 16 по 25 октября, части армии понесли чувствительные потери в артиллерии. Создалось весьма тяжелое положение. Разведка и показания пленных свидетелей говорили о появлении перед нами новых танковых частей. Между тем по докладу генерала В. И. Казакова у нас не хватало артиллерии для борьбы и с теми силами, которые уже были брошены в сражение гитлеровским командованием. Новые танковые

части на этом участке могли создать для нас критическую обстановку. Нужно было во что бы то ни стало добиться усиления армии артиллерией.

Неохотно, но я вынужден был обратиться по этому поводу к командующему фронтом Г. К. Жукову. Разговор предстоял не из приятных, и я это заранее предвидел, зная крутой характер командующего, а также и то, что у него каждая артиллерийская батарея на счету. Мне все же удалось добиться присылки в армию к утру 26 октября двух полков 37-мм зенитной артиллерии. Худо-бедно, но это все же была помощь. Присланные командующим фронтом полки тут же были использованы для усиления противотанковой обороны 316-й дивизии.

Нажим врага на Волоколамск все усиливался. Против 316-й стрелковой дивизии действовали помимо пехотных не менее двух танковых дивизий. Мне пришлось в связи с этим произвести некоторую перегруппировку для усиления левого фланга армии: на правом фланге, южнее Волжского водохранилища, была введена в первый эшелон несколько пополненная 126-я стрелковая дивизия, а смененный ею кавалерийский корпус генерала Доватора форсированным маршем переброшен на левое крыло армии. Сюда же подтягивалась и 18-я стрелковая дивизия.

Как известно, на севере противник, продолжая свое наступление, 14 октября овладел Калининским и, оттеснив правофланговые части соседней с нами 30-й армии, глубоко продвинулся на восток вдоль северного берега Волжского водохранилища. Таким образом, немецко-фашистские войска заняли нависающее положение над правым флангом 16-й армии. Как мне думается, со стороны Генерального штаба при определении границ между Западным и созданным 19 октября 1941 года Калининскими фронтами была допущена ошибка. Суть ее заключалась в том, что границу избрали не по такому крупному рубежу, каким являлось Волжское водохранилище, а отнесли ее южнее. В итоге войска 30-й армии оказались разделенными на две части.

Фашистам удалось значительно потеснить и правый фланг соседней с нами слева 5-й армии. Они овладели Можайском и Рузой, продвинулись к востоку непосредственно на участке, примыкавшем к нашему левому флангу, и обошли Волоколамск с юга.

В это же время, после нескольких дней упорного боя, отошел к востоку от рубежа на реке Лама курсантский полк, оборонявшийся севернее Волоколамска. Значит, и с этой стороны врагу удалось занять нависающее положение. И, наконец, 27 октября, вводя в бой крупные силы танков и пехоты, при поддержке артиллерии и авиации, которая все время буквально висела в воздухе, противник овладел Волоколамском. Но его попытка перехватить шоссе восточнее города, идущее на Истру, была отражена решительными и умелыми действиями вовремя прибывшей и изготовившейся 50-й кавалерийской дивизии генерала Плиева с приданной ей артиллерией.

Считаю необходимым подчеркнуть, что именно в этих боях за город и восточнее его навеки покрыла себя славой 316-я стрелковая дивизия и действовавшие с ней артиллерийские части, так же как и курсантский полк. Именно эти войска, невзирая на многократное превосходство врага, не позволили ему продвинуться дальше. Понеся огромные потери, особенно в танках, он вынужден был сделать паузу и приступить к перегруппировке и подтягиванию свежих сил.

Вспоминая события тех дней, с гордостью за вверенные мне войска могу сказать: в боях с 16 по 27 октября все они вместе и каждый воин в отдельности сделали все возможное, чтобы не допустить прорыва фронта обороны армии. Они справились с этой задачей, и Родина достойно чтит их бессмертный подвиг.

Должен, однако, заметить, что оставление войсками 16-й армии Волоколамска повлекло за собой немедленное расследование для привлечения к ответственности «виновных» и доставило нам немало неприятных и тяжелых минут. В штаб армии из фронта прибыла для этого специальная комиссия. Я рассматривал ее появление у нас как проявление недоверия к подчиненным и был возмущен до глубины души. К сожалению, так уж повелось в те времена: комиссии занимались расследованием даже в тех случаях, когда и без того все было ясно. Не раз можно было наблюдать, что, собственно, вся цель комиссии сводилась к тому, чтобы составить бумагу на всякий

случай, для оправдания того или тех, кто ее назначал. Расследование по поводу овладения противником Волоколамском пришло к благополучному концу — комиссия сделала вывод, оправдывавший наши действия.

Истошив свои силы в прошедших под Волоколамском и севернее его боях, гитлеровские войска приостановили свое наступление. В течение нескольких дней велись лишь бои местного значения, не переходившие в сражения. По нашим наблюдениям, данным разведки и сообщениям выходивших из вражеского тыла наших военнослужащих, немецко-фашистское командование, испытав прочность нашей обороны, решило подготовить новый удар. С этой целью на волоколамско-истринское направление подтягивались свежие силы и производилась какая-то перегруппировка к северу.

В эти дни вместе с несколькими офицерами и красноармейцами прибыл к нам вышедший из окружения генерал И. В. Болдин. От него мы узнали о судьбе войск Западного и Резервного фронтов: 19, 20, 24 и 32-й армий, в том числе и войск 16-й армии, переданных нами по приказу от 5 октября в 20-ю армию и оказавшихся в окружении западнее Вязьмы. Многие соединения, потеряв связь со штабами, разделившись на группы, пробивались к своим, проскальзывая между вражескими частями. Сам Болдин с небольшой группой офицеров и солдат тоже лесами пробирался на восток. С ними первое время был и раненый генерал М. Ф. Лукин — командующий 19-й армии. Но в одну из ночей их группа внезапно, на ночлеге, была атакована немецкими автоматчиками. Прорываться пришлось уже в одиночку. В эту трагическую ночь и был потерян генерал Лукин. Впоследствии мы узнали, что М. Ф. Лукин, будучи тяжело раненым, попал в плен. Генерал И. В. Болдин убыл от нас в Москву и вскоре прославился, возглавляя 50-ю армию, героически оборонявшую Тулу.

Используя наступившую паузу, войска 16-й армии, ведя мелкие бои, продолжали укреплять оборонительные позиции. В это время меня вызвал в Звенигород прибывший туда комфронта и предложил возглавить конную армию, которую мне предлагалось сформировать из прибывающих из Средней Азии четырех кавдивизий и корпуса Доватора. Этой армии, как информировал меня Г. К. Жуков, предстояла задача преодолеть фронт южнее Волжского водохранилища и нанести удар во фланг и тыл противнику, сосредоточивающемуся в районе Волоколамска. Я стал возражать против этого. На мой взгляд, такая операция могла привести к бесполезной гибели крупной конной массы. Собранная вместе, она была бы истреблена авиацией и танками. Не знаю, убедил ли я генерала армии Жукова или сложившиеся затем условия повлияли, но обзав меня обдумать его предложение, он никаких указаний на этот счет больше не давал.

А обстановка на фронте продолжала усложняться. Разведка доносила, что враг производит перегруппировку своих соединений и подтягивает на волоколамское направление и к правому флангу 16-й армии крупные силы. Нужно было со дня на день ожидать его удара. Мы же в это время старались хотя бы несколько улучшить свое положение. В боях конца октября и начала ноября немцы, захватив у нас на левом фланге ряд населенных пунктов, в том числе Скирманово, нависли с юга над основной магистралью Волоколамск—Истра. Занимая такое положение, враг не только простреливал артиллерийским огнем эту магистраль, но мог в любое время перехватить ее своими войсками и выйти в тыл основной группировке 16-й армии на данном направлении.

Были приняты меры, чтобы заблаговременно ликвидировать угрозу. Решение этой задачи выпало на долю 50-й кавалерийской дивизии генерала И. А. Плиева, 18-й стрелковой ополченческой дивизии, в командование которой в ноябре вступил боевой полковник П. Н. Чернышев, танковой бригады М. Е. Катуква, только что прибывшей к нам, но уже побывавшей в боях и понесшей значительные потери; привлекли также несколько артиллерийских частей и дивизионов гвардейских минометов. Предстоящие действия были тщательно продуманы и спланированы. Деятельное участие в подготовке приняли начальник штаба М. С. Малинин, начальник артиллерии В. И. Казаков, начальник бронетанковых войск Г. Н. Орел, член Военного совета А. А. Лобачев, начальник связи П. Я. Максименко и другие товарищи. Должен заметить, что в предвидении начала наступления врага проводить эту операцию было очень рискованно, но мы на это вынуждены были решиться. Нас несколько успокаивало то обстоятельство, что к

правому флангу армии стали выдвигаться кавалерийские дивизии, прибывающие из Средней Азии в распоряжение фронта и включенные в состав 16-й армии.

В период с 11 по 14 ноября бои за Скирманово прошли очень удачно. Артиллерийским и минометным огнем и меткими залпами «катюш» нам удалось нанести противнику большой урон, а дружные атаки пехоты, поддержанные танками, довершили дело. Успеху очень содействовала сильная группа автоматчиков-ополченцев, пробравшаяся в тыл в ночь перед атакой, а также выдвинувшаяся во фланг и почти в тыл гитлеровцам часть сил 50-й кавдивизии. Разгром немецко-фашистских войск, занимавших Скирманово и другие населенные пункты, был полный. 10-я танковая дивизия врага, предназначавшаяся для перехвата шоссе Волоколамск—Москва, с большими потерями была отброшена далеко назад. Угроза была ликвидирована. На поле боя фашисты оставили до 50 подбитых и сожженных танков, много орудий, вплоть до 150-мм пушек, минометов, пулеметов и различных машин. Вместе с членом Военного совета армии Лобачевым и корреспондентом газеты «Правда» Ставским я имел возможность наблюдать эту картину разгрома врага. Захваченные в бою пленные были доставлены в Москву.

Однако с каждым часом для наших войск приближалось новое суровое испытание в битве за столицу. Произведя перегруппировку, подтянув новые части и пополнив участвовавшие уже в боях соединения, 16 ноября немецко-фашистские войска группы армий «Центр» перешли в наступление. Сражение развернулось на широком фронте от Калинина до Тулы. На севере главный удар наносился на участке от Волжского водохранилища до железной дороги Москва—Можайск (в полосах 30, 16 и правого фланга 5-й армий); а на юге — на участке Тула, Новомосковск в направлении на Каширу (в полосе 50-й армии).

Против нашей 16-й армии противник сосредоточил 5-й армейский, 46-й и 40-й моторизованные корпуса 4-й танковой группы. Севернее Волоколамска занимали исходное положение 106-я и 35-я пехотные дивизии. На участке западнее и юго-восточнее Волоколамска, против левого фланга 16-й армии развернулись: 2, 11, 5 и 10-я танковые дивизии и моторизованная дивизия СС «Рейх».

Как уже говорилось выше, в 16-ю армию прибыли дополнительно к имевшимся войскам 17, 20, 24 и 44-я кавалерийские дивизии, которые были расположены во втором эшелоне армии восточнее Клина. Каждая из них насчитывала всего лишь по 3 000 человек. Лошади в дивизиях оказались к зиме не перекованными, между тем в Подмосковье грунт уже замерз, а на мокрых и заболоченных местах образовался лед, что затрудняло передвижение конницы. В довершение ко всему личный состав не имел навыков действий на пересеченной и в лесисто-болотистой местности.

Зато прибывшая к нам из Сибири 78-я стрелковая дивизия, полностью укомплектованная личным составом и всем положенным по штатам военного времени, возглавляемая боевым, замечательным полковником А. П. Белобородовым и состоявшая преимущественно из сибиряков, очень нас обрадовала. Ее прибытие было своевременным. И так же, как в начале боев под Волоколамском, большую роль сыграла 316-я дивизия генерал-майора И. В. Панфилова, сейчас, в наступающих решающих ноябрьских боях за Москву, большую роль предстояло сыграть 78-й стрелковой дивизии полковника А. П. Белоборова.

Получили мы и две танковые бригады с небольшим количеством танков и 58-ю танковую дивизию, но последнюю почти без танков. Несколько пополнилась имевшаяся в распоряжении армии артиллерия. При всем этом противник имел подавляющее превосходство, особенно в танках и авиации. Все наши соединения, принимавшие участие в октябрьских боях, к началу сражения были весьма малочисленны.

Хочется отметить еще один момент, предшествующий описанию хода событий ноябрьского оборонительного сражения 16-й армии. Перед самым началом неприятельского наступления нами неожиданно был получен приказ командующего Западным фронтом генерала армии Жукова — нанести удар из района севернее Волоколамска по волоколамской вражеской группировке. Признаться, тогда мне было непонятно, чем он руководствовался, отдавая такой приказ. Срок подготовки определялся одной ночью. Я считал, что нанесение таких ударов, учитывая готовность противника самому

перейти в наступление, да еще при явном недостатке могущих быть привлеченными с нашей стороны для этого сил и неподготовленности их из-за крайне ограниченного времени, конечно, не могло дать положительных результатов. Однако мои доводы об отмене этого наступления или о продлении хотя бы срока подготовки не были приняты во внимание. Совсем недавно Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих воспоминаниях также остановился на этих контрударах и объяснил в чем тут дело⁶.

Как и следовало ожидать, проведенный 16 ноября 1941 года по приказу фронта 16-й армией частный контрудар принес нам больше вреда, нежели пользы. Правда, на первых порах, пользуясь неожиданностью, нам удалось даже вклиниться километра на три в расположение немецких войск. Но в это время они начали наступление на всем фронте 16-й армии. Нашим частям, осуществлявшим контрудар, еле удалось вырваться из образованного самими же вклинения. Особенно тяжело пришлось конной группе Л. М. Доватора. Враг наседал на нее со всех сторон. Лишь благодаря своей подвижности и смекалке командира ей удалось вырваться и избежать полного окружения.

В связи с овладением противником Волоколамском и предстоявшим частным контрударом, который наносила армия севернее Волоколамска, армейский КП решено было перенести в Теряеву Слободу. Но там он подвергся удару вражеской авиации, от которого сильно пострадали наш оперативный и разведывательный отделы.

Управлять войсками левого крыла армии было затруднительно из-за лесисто-болотистой местности, отделявшей наш КП от войск, оперирующих на Волоколамском участке. Поэтому штаб армии перешел в район Ново-Петровское (что на автостраде Волоколамск—Москва). К такому решению мы пришли еще и потому, что располагали данными о сосредоточении противником крупных танковых сил именно против левого крыла армии.

Наш штаб и управление расположились непосредственно в Ново-Петровском, а Военный совет — в небольшой, примыкавшей к нему деревушке Устиново. Штаб имел связь со всеми соединениями и частями, входившими в состав армии, и соседями справа и слева. Начальник связи полковник П. Я. Максименко обеспечил нас устойчивой связью. Нужно отдать должное его неиссякаемой энергии, знанию своего дела, высококоразвитому в нем чувству большой ответственности за порученный участок работы. Именно благодаря этим качествам он в самых сложных условиях создавал нам возможность поддерживать непрерывную связь с войсками. На долю связистов вообще выпала ответственная и сложная задача в те трудные дни, и нельзя не сказать о том, что на протяжении всего периода боев под Москвой они — солдаты, сержанты и офицеры — честно, с величайшей самоотверженностью выполняли свой воинский долг, обеспечивая войска и штабы связью.

К началу вражеского наступления у нас были собраны приблизительно точные данные о группировке немецко-фашистских войск. Об этом неоднократно докладывалось в штаб фронта. Там иной раз склонны были рассматривать наши донесения как преувеличивавшие во много раз силы противника. Между тем взятые в бою в районе Скирманово и северо-западнее Волоколамска пленные подтверждали наши данные. Мы, конечно, понимали командование фронта: оно хотело, чтобы сил у врага было меньше. Ведь и мы не возражали бы против этого, но приходилось считаться с фактами и готовиться встретить худшее. Успокаивать себя и войска мы не имели права.

В середине ноября 1941 года наступил решающий момент в битве за столицу.

(Окончание следует).

⁶ См. «Военно-исторический журнал», 1966, № 9, стр. 61—62.